
В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУР

Ю. В. ЛЮБИМОВ

ОБРАЗ ДРУГОГО (Восток в европейской традиции)*

Статья 2**

Рассматривается история формирования образа Востока в русской традиции. Контекст этого процесса во многом обусловлен событиями, связанными с колонизацией осваиваемых новых территорий как на востоке, так и на юге. Выделены три основных этапа расширения и становления Российской империи.

Ключевые слова: образ, взаимодействие, колонизация, национальная политика, Россия, Восток, Поволжье, Сибирь, Кавказ, Средняя Азия.

Русская колонизация принципиально отличается от западноевропейской уже тем, что она распространялась на территории, непосредственно примыкающие к «метрополии» (владения на территории Америки так и не стали частью собственно России). Кроме того, новые территории *осваивались* русскими людьми, что в свою очередь формировало *единое* с «метрополией» социально-политическое пространство. Но несмотря на то, что подавляющее большинство населения России – этнические русские, страна справедливо именовалась и именуется полиэтничной (многонациональной).

Вопреки распространенному мнению, согласно которому Россия включилась в процессы колонизации позже других европейских стран, отметим, что в становлении Российской империи было три фазы колонизации: централизация вокруг Москвы и освоение Поволжья в XV–XVI веках (важной для политической и хозяйственной жизни страны транспортной артерии – Волги); освоение Сибири в XVII–XVIII веках, обусловленное вполне прагматиче-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-03-00258а.

** Статья 1 см.: Любимов, Ю. В. 2009. Образ Другого (Восток в европейской традиции). *Историческая психология и социология истории* 2: 5–26.

скими соображениями – международной торговлей «мягкой рухлядью» (пушниной), а затем и поиском источников сырья, а отнюдь не «воплощением идеи Третьего Рима»; присоединение в первой половине XIX века Кавказа (в значительной степени политические цели) и во второй половине XIX века – Средней Азии (преимущественно экономические цели – создание альтернативного источника хлопка для текстильной промышленности из-за резкого снижения американских поставок вследствие Гражданской войны в США в 1861–1865-х годах). Каждый из этих этапов характеризовался своими особенностями, повлиявшими на представления русских о Востоке.

В отношениях с Ордой Русь получила импульс к централизации. «С конца XIII – начала XIV в. и русские князья, и русский народ уже научились соразмерять свое отношение к Орде и свою вассальную политику со своими реальными силами и... демонстрировать “покорность”, когда это было нужно» (Похлебкин 2000: 44). Опыт взаимоотношения с монголо-татарами сыграл важную роль в дальнейшем освоении пространства, в особенности в отношениях с другими «восточными» народами. В отличие от В. В. Похлебкина, полагавшего, что «...из самостоятельной она (Россия. – Ю. Л.) становится вассальной, из ориентированной на европейскую государственность и культуру превращалась в приспособленческо-азиатскую, из базирующейся на христианской психологии и понятиях начинает базироваться на восточно-рабской, азиатски раболепной психологии» (Там же: 17), мы считаем более важным другое обстоятельство. Эти «особые» отношения были обусловлены *реальными интересами* русского общества и создали предпосылки для развития необычайно жизнеспособного полиэтничного пространства, сформированного не столько имперской политикой власти, сколько усилиями всего народа. Не «раболепие», а уважение другого народа, его обычаев, его видения мира, своего рода «открытость к Востоку» способствовали мирным взаимоотношениям с «покоренными народами». Этим отчасти объясняется в целом протекционистская национальная политика, отличающаяся от классической колониальной политики других европейских стран. Кроме того, страна не перестала быть европейской и христианской (православной), хотя некоторая исторически обусловленная *осторожность* в отношении к Западу сохранялась, несмотря на «западное влияние» или «западную моду». Тому есть весомые причины (непростые в разные периоды истории отношения со Швецией, Польшей, Англией, Францией, германскими госу-

дарствами, папским престолом и т. д.). Попытки «открытости к Западу» часто оборачивались для России еще большим напряжением сил. Однако необоснованные заявления, будто «России никто и никогда не угрожал», раздаются и сейчас.

Утрата Киевом своего значения как общерусского центра может быть подтверждена отказом амбициозного Андрея Юрьевича Боголюбского от своих претензий на киевский «стол», несмотря на особое расположение со стороны отца – Юрия Владимировича Долгорукого (Лимонов 1987: 39). Хотя борьба Андрея за гегемонию среди русских князей не достигла успеха, важным результатом его деятельности можно считать переориентацию на Северо-Восточную Русь (Владимири-Суздальское княжество) как будущий общерусский центр. Значительно возросла численность населения. «Население современной Московской области, согласно исследованиям Р. Л. Розенфельда, увеличилось в XII–XIII веках по сравнению с IX–X веками в пять раз» (Горская 1994: 52–53).

Важным событием, сопровождавшим вокняжение Андрея в «Суждальской земле», было перенесение иконы Пресвятой Богородицы из Киева во Владимир. Это событие значительно повышало роль Северо-Восточной Руси и как церковного центра (Земная... 1999: 157). Перемещение в 1299 году резиденции митрополита из Киева во Владимир, а в 1326 году – в Москву еще больше усилило роль Северо-Востока и в частности Москвы в деле объединения русских княжеств. «Единая церковь была важнейшим фактором единства Руси – хранительницей веры и языка, связывавших воюющие между собой княжества. Поэтому защита православной веры была для церкви главной задачей. Тем более что она видела страшную опасность – антиправославный крестовый поход, шедший с Запада. Перед лицом этой – смертельной, как считала церковь, – угрозы веротерпимые татары становились союзниками» (Вернадский 1925: 325–327). Г. Вернадский идет в своих размышлениях до логического конца и называет хана «защитником православной веры». Того же мнения придерживается, например, М. Я. Геллер. Соответствующим образом он рассматривает вклад Александра Невского в русскую историю: «Александр Невский, дабы сохранить религиозную свободу, пожертвовал свободой политической, и два подвига Александра Невского – его борьба с Западом и его смирение перед Востоком – имели единственную цель – сбере-

жение православия как источника нравственной и политической силы русского народа» (Геллер 2001: 87).

Скудость «собственных естественных запасов» оказалась весомым стимулом развития Москвы. Московские князья стремились «к выходу из узких рамок своей государственной территории, к расширению арены своего властвования, своего политического воздействия и экономической эксплуатации» (Любавский 1996: 218). Расположенное в глуши, в стороне от важных транспортных путей, Московское удельное княжество постепенно захватывало близлежащие территории и становилось, по выражению А. Зимина (1982), «хлебородным центром». Финансовые возможности Москвы стремительно возрастали. В 1371 году Дмитрий Иванович (Донской) отправился к Мамаю с богатыми дарами. Получив ярлык на великое княжение, он «предложил выплатить 10 000 рублей кредиторам молодого князя Ивана Михайловича, пребывавшего в Орде. Предложение было принято, деньги выплачены, и Дмитрий забрал тверского князя в Москву, где его держали, пока отец не вернул деньги полностью» (Вернадский 2004: 258–259). По мнению С. М. Соловьева (1991), этот эпизод позволяет судить о значительных финансовых средствах, которыми обладало Московское княжество. Московские князья и в дальнейшем, расширяя территорию, пользовались не только силой (захватом), но и «куплей» земель у русских удельных князей и ярлыков на права владения у татар, что свидетельствует о действительно мощной финансовой базе. Эта тенденция развивалась со времени княжения Ивана Даниловича (Калиты), который путем сложных интриг добился права собирать дань для монголов, а самое главное – и права *внутрирусского* суда (Ключевский 1988: 21).

В начале XV века борьба за великое княжение вступила в острую фазу. Победу среди «наследников» (претендентами на наследство Дмитрия Донского после смерти Василия I Дмитриевича были Василий Васильевич и Юрий Дмитриевич Галицкий) одержал сын Василия I. Прибегнув к авторитету хана Улу-Мухаммеда (1432 год), Василий II и Юрий Дмитриевич «разошлись» с тем, что первый получил ярлык на великое княжение, а его дядя прибавил к своим владениям Дмитров. С помощью «третьей инстанции» «распря», по крайней мере на некоторое время, несколько утихла.

Избыток населения, не занятого в хозяйстве, обеспечивал демографический ресурс для завоевательных походов московских князей, что обусловило стратегию колонизационных процессов и

в свою очередь создало преимущества в победе Москвы как центра будущего государства.

Важной вехой в истории русского законодательства явилось создание Судебника 1497 года. В ряде стран Европы (в том числе в Англии и Франции) общегосударственных кодексов еще не существовало. Именно поэтому имперский посол С. Герберштейн, побывавший в начале XVI века в Москве, перевел на латинский язык значительную часть Судебника. Он представлял большой интерес для немецких юристов, составивших только в 1532 году общегерманский свод законов (Зимин 1982: 137).

Расширяя территорию на восток, Россия была вынуждена строить отношения с инотипными народами, населявшими южные и восточные территории, для которых европейская государственность была в то время чуждой. Северное и северо-восточное направления не встречали серьезных препятствий: освоение этих территорий шло, как правило, спокойно, если не учитывать отдельные случаи (например, обострившиеся время от времени отношения с мордвой). Таким образом, Россия формировала во внешней политике два стандарта: для Европы и для Востока. Александр Невский не только не противоборствовал татарам, но и сам расправлялся с теми, кто такое вытворял (Похлебкин 2000: 30). Основной мотив – «татаро-монголы как противник сильны, бесчисленны, необозримы. Бороться с ними как регулярным военным путем, так и путем “наскоков”, т. е. народных восстаний, саботажа их требований и т. п. – совершенно бесперспективное дело» (Он же 1992: 114–115).

Важным принципом для Московского государства становится различие Запада и Востока. Если в эпоху Киевской Руси ведущей была ориентация на Европу, то во время нашествия татаро-монголов основной акцент делается на восточной политике. Западное направление, конечно, сохраняет свое значение, но уступает восточному.

Думается, Александром Невским был сделан политически правильный шаг – любая стычка в самом начале была бы, по сути, провокацией. Чтобы представить условия, в которых формировалось отношение Руси к Востоку, немаловажно обратиться к истории встречи с Востоком, которая произошла, если можно так выразиться, по инициативе самого Востока. В 1223 году монгольские войска нанесли первое поражение русским в битве близ Калки.

«И бысть победа на вси князи Русстии, ака же не бывала от начала Русьской земли никогдаже, сам бо велики князь Мьстиславъ Киевский видя се зло не движесе никакоже с места, стал бо бе на горе, над рекою Калкою...» (цит. по: Лимонов 1987: 112).

* * *

Следуя логике А. Тойнби (1991: 140), движение русских на восток было ответом на татаро-монгольское иго. В его системе «вызов-ответ» подобное заключение вполне закономерно. Однако, во-первых, восточное (северо-восточное) направление было «открыто» еще в домонгольскую эпоху и затем успешно осваивалось Новгородом. Во-вторых, относительная бедность природной среды для развития сельского хозяйства и относительно малозаселенные территории способствовали развитию экстенсивного хозяйства. В-третьих, сохранялась насущная необходимость окончательно решить проблему Золотой Орды, поскольку острые и неустойчивые отношения не допускали мирного сосуществования.

Движение на Восток началось уже во времена Андрея Боголюбского, предпринявшего завоевание Булгарии. Однако нашествие татаро-монголов прервало этот натиск, который возобновился лишь через столетие (Худяков 1991: 243). «Болгарцы подпали власти Монгольских завоевателей; ибо в 1239 Мордва была ими покорена. Более 120 лет, как кажется, страны сии наслаждались ненарушимым спокойствием под покровительством Ханов золотой орды, ибо летописи ничего не говорят о войнах с Русскими. Только в то время, когда большая орда от внутренних раздоров пришла в ослабление, явились с 1360 года по рекам Волге и Каме Новгородские речные разбойники, которые производили частые грабежи в Болгарских городах» (Фукс 1991: 151–152).

После распада Золотой Орды в первой половине XV века Русь оказалась под игом образовавшегося на территории бывшей Булгарии Казанского ханства. Новое государство в основном состояло из потомков древнего болгарского народа, а также мордвы, чувашей, марийцев и других народов. По существу, пришлые из Орды наследники монголо-татар были в меньшинстве, но при этом обладали властью. Дань, собираемая на Руси, в значительной степени способствовала росту могущества и культуры нового государства.

Профессор Казанского университета К. Ф. Фукс писал в 1844 году: «Надобно отдать должную справедливость их мullahам

(священнослужителям). Они стараются Восточное просвещение распространять не только в городах, но и в самых бедных деревушках, и в этом очень успевают. Почти каждый мулла имеет у себя домашнюю школу; за малую цену учит мальчиков и девочек Арабскому языку, читает и толкует им Алькоран и нравоучение своего строгого закона, который, к сожалению, несмягчает сердца и неукрощает жесткости и грубости нравов, что можно видеть из образа их жизни и их свойств» (Фукс 1991: 36–37).

После победы над Казанским ханством началось освоение низовьев Волги, где соперником России оказалось Астраханское ханство. Несмотря на то, что «в идеологии завоевания присутствовали и религиозные мотивы» (Зайцев 2004: 161), цель была прагматичная – овладение Волгой и выход к Каспийскому морю. А поскольку Астраханское ханство связано с Крымским ханством, то это завоевание знаменует и начало борьбы за черноморское побережье, за безопасность южных границ. Именно тогда сформировалось представление о Востоке как мире ислама, противостоящем христианству.

Принято считать, что история присоединения Сибири и Дальнего Востока начинается с 1581 года, когда Ермак со своей дружиной пошел в поход за Камень (Уральские горы). Но это событие имело свою предысторию – поход предприимчивых новгородцев в Югорскую землю под предводительством Улеба в 1032 году. Они были побеждены юграми, «и вспять мало их возвратишася, но многие там погибоша» (цит. по: Шунков 1974: 17). Тем не менее походы продолжались, и постепенно складывались устойчивые связи, заключавшиеся в обмене «товарами». Такие отношения вряд ли могли носить регулярный характер, но одно несомненно: они способствовали взаимопониманию, культурному сближению. Последнее облегчалось особенностями формирования великорусского этноса в тесном контакте с финно-угорскими народами (Зеленин 1991: 33–34).

В XVI веке положение резко меняется. После завоевания Казанского ханства открывается путь за Урал. Потребность в постоянном источнике пушнины, расширение хозяйственной деятельности подвигли Московское государство приступить к непосредственному освоению восточных земель. Движение на Восток, «встречь солнцу», было характерно и для других стран Европы. Так, португальцы, голландцы, англичане пускались в дальние пла-

вания, стремясь открыть наиболее короткие пути в Индию и Китай. Попытки открыть Северный морской путь англичане предприняли в 1553 году, голландцы – в 1595–1596 годах, но льды не пускали их дальше Новой Земли. Все это не могло не беспокоить московские власти, заинтересованные в сохранении источников поступления в казну ценных мехов и монополии на торговлю ими. Тем временем судьба связала братьев Строгановых, занимавшихся промышленным освоением Урала и Зауралья, с Ермаком. В XVI–XVII веках «трудно было провести резкую грань между воином-завоевателем и обыкновенным разбойником. Чаще всего эти два ремесла соединялись в одном лице, и перейти эту грань... было тем легче, что их, собственно, объединяло одно и то же стремление к возможно быстрой и легкой наживе» (Кирияков 1902: 16–17). Кем был Ермак – предводителем шайки разбойников или романтическим героем думы К. Ф. Рылеева, – остается загадкой, но его историческое значение бесспорно. Его имя олицетворяет важный момент в истории России – присоединение Сибири. Важно и то, что двигал этими людьми не «идеологический конструкт», а реальный *интерес*.

Одним из препятствий для деятельности русских предпринимателей за Уралом было Сибирское ханство. Лояльного Едигера сменил хан Кучум. Подчинив своей власти Югорскую землю, он резко усложнил возможности русской торговли и сократил поступление пушнины, бывшей в то время важнейшим экспортным товаром. Попытки Ивана Грозного решить проблему дипломатически успеха не имели. Хан Кучум даже подписал шертную грамоту, что для Москвы было почти равнозначно принятию им подданства, но так же легко отказался от своих обязательств. Речь идет, конечно, не о вероломстве Кучума. На самом деле подписание шерты было для него чисто тактическим ходом, а как только обстоятельства изменились, он занял откровенно враждебную позицию.

Противоречия между Московским государством и Сибирским ханством нарастали. Попытка князя Афанасия Лыченицына отвоевать «русские права» окончилась поражением. Не имели результата и первые походы Ермака в 1579–1580 годах. Лишь поход 1581 года ознаменовал покорение Сибири. Хотя удар Ермака был значителен, окончательный разгром Сибирского ханства завершился уже после его смерти. Бывшую ставку Кучума занял его сын Алей, пытавшийся установить в Сибири власть узбекских шейбанидов, но ему противостоял представлявший интересы тайбугинов Сейдяк. Завя-

залась междоусобица, отягченная неоднозначным отношением населения Сибирского ханства к попыткам Кучума обратить своих подданных в мусульманскую веру. Он привез в Искер мусульманских ученых из Бухары и Казани, но, не пытаясь разобраться в тонкостях вероучения, воспринял лишь внешние признаки веры, в частности необходимость обрезания. Подчас он прибегал к насилию над теми, кто прятался от его «усердия» в лесах (Атласов 2005: 95). Тем временем за Урал был отправлен отряд во главе с воеводами В. Сукиным и И. Мясным. В 1586 году ими был основан Тюменский городок, а затем и Тобольск, ставший важным центром распространения русских на Восток. Из Тобольска же началось наступление на Сейдяка, вскоре плененного и отправленного в Москву. Надо отметить, что многочисленная родня Кучума, представлявшая сторону противника государства, получила такие же права, которыми обладала русская знать, – такова была сословная традиция.

Уже в 1590 году по указу Федора Иоанновича из Сольвычегодска были отправлены 30 хлебопашенных семей для развития земледелия в Сибири. К тому времени возникли новые города, началось строительство монастырей. Вскоре появились первые ссыльные, в том числе из знатных фамилий. «Присоединение Сибири и ее заселение преимущественно русским населением не представляется чем-то исключительным в истории России. Наоборот, именно со второй половины XVI века наряду с Сибирью происходило присоединение и политическое упрочение в составе государства обширных областей Среднего и Нижнего Поволжья, южнорусских земель (“Дикого поля”), Донской земли, а позднее – так называемой Новороссии и земель современного Ставрополя» (История Сибири... 1968: 3).

За чрезвычайно короткие сроки первопроходцы проникают в самые отдаленные и труднодоступные районы, прокладывают пути как для последующих потоков переселенцев, так и для вывоза разведанных богатств «новых земель». Отряды служилых людей имели главной целью не столько заселение, сколько закрепление территорий за Россией, подчинение местных инородцев и открытие новых мест для последующей колонизации земель. Вместе с тем они, по существу, осваивают территории, основывают многочисленные города, остроги, острожки, зимовья, ставшие форпостами набирающей силу империи. Вместе со служилыми, а нередко и впереди них, шли промышленные люди, собиравшие ясак в свою пользу. Во избежание столкновений со служилыми им приходи-

лось идти еще не разведанными путями; таким образом, открывались все новые и новые земли и народы. Здесь же произошла первая встреча с западными ойратами (Любимов 2008).

Замечание Тойнби (1991: 141), что «казаки представляли собой полумонашеское военное братство наподобие викингов, эллинского спартанского братства или же рыцарского ордена крестоносцев», отражает «увлечение» выдающегося мыслителя своим цивилизационным анализом, в котором русское продвижение на восток интерпретировалось как реализация идеи Третьего Рима и казаки оказывались «крестоносцами» православия.

Стремительность, с которой были разведаны столь огромные территории, часто объясняется малозаселенностью Сибири, особенно ее Северо-Востока. Но нельзя преуменьшать вполне реальные трудности, связанные с этим процессом. Если учесть несообразность первопроходческих отрядов тем задачам, которые им приходилось решать, отсутствие четких и достоверных географических данных, бездорожье, непривычность ландшафта и природно-климатических условий, то остается только удивляться, как все это оказалось возможным.

Помимо собственно прагматических целей – поиска источников получения пушнины – казачьим отрядам приходилось решать в определенном смысле познавательные задачи: исследования географии, изучение обычаев и нравов местного населения, разведывание природных богатств. При этом им нельзя было забывать и о насущных проблемах жизнеобеспечения.

В это время начинает формироваться особое местное население: русское по языку и культуре, но антропологически смешанное. Речь идет о потомках русских первопроходцев, потомках от смешанных браков, обрусевшем местном населении – все они продолжали смешиваться и формировать анклавные своеобразной старожильческой культуры. Подобное явление свойственно и другим районам: Нижней Индигирке, Нижней Колыме. Эти поселения сыграли важную роль в становлении и укреплении русско-туземных связей. Расширение меновой торговли и включение в нее русских промышленных товаров, особенно орудий промысла, создавало возможность, а затем и потребность в интенсификации хозяйственной деятельности местных жителей.

Соприкосновение русских первопроходцев с аборигенами в целом проходило мирно, случаи применения силы носили спорадический характер. Напротив, коренные жители обеспечивали служи-

лых людей продовольствием, одеждой, часто служили переводчиками и «вожами» (проводниками). В 1632 году за 6 тысяч верст от Москвы был основан Якутский острог, откуда открывался путь на Индигирку, Колыму и Анадырь. В 1638–1642 годах на Индигирке, в 1643–1647 годах на Колыме, в 1649 году на Анадыре были основаны первые зимовья, некоторые из них стали затем острогами и даже городами (История Сибири... 1968: 49).

* * *

«Восточный вопрос, – считает С. М. Соловьев, – появился с тех пор, как европейский человек осознал различие между Европой и Азией, между европейским и азиатским духом». Этот вопрос «имеет наибольшее значение для тех европейских стран, которые граничат с Азией, [для] которых борьба с нею составляет существенное содержание истории: таково значение Восточного вопроса в истории Греции; таково его значение в истории России вследствие географического положения обеих стран» (Соловьев 1991: 630). «Восточный вопрос», конечно, характерен и для стран, непосредственно не граничащих с Азией, но географическая близость благоприятствует естественному диалогу между народами и культурами. Как Восток, так в известной степени и Запад не представляют единства. Последующие уточнения типа «мусульманский Восток», «буддийские страны» и т. п. вносят существенные разграничения, но не решают проблемы, трансформируя оппозицию «свой – чужой» в «свой – чуждый». Определенную роль в этом процессе сыграла эпоха европейской колониальной экспансии, в результате чего система характерных для Средневековья субординативных отношений была перенесена вовне, и метрополия стала своего рода сюзереном, а колонии – ее вассалами. Такое положение имело двоякое последствие. С одной стороны, оно обеспечивало относительную гомогенность метрополии, с другой – закрепляло и культивировало европоцентризм.

Созданное силами русского народа обширное пространство империи благодаря особому отношению к «покоренным» народам без всякого ограничения включало новых подданных в систему государства. Местная элита уравнивалась в правах с русской аристократией, и впоследствии многие ее представители прославили Россию своими трудами и подвигами. Достигнув определенной степени однородности, государство ставило новые задачи. Поскольку

важнейшими средствами сообщения были не только реки, Россия добивалась безопасного «выхода к морям», чего требовали развивающиеся торговля и промышленность. Связь с внешним миром диктовала и направления этого развития. Такой задачей виделось овладение Кавказом, а во второй половине XIX века – Средней Азией.

Внимание к Кавказу определялось отношениями с Османской империей. Поначалу бывшие больше нейтральными, нежели жесткими, русско-турецкие отношения начали приобретать острые формы после того, как Крымское ханство (с 1475 года) стало пользоваться покровительством Турции и, по существу, стало ее вассалом. Набеги крымцев, беспокоившие южные пределы России, требовали какого-то решения, но сложные отношения с западными соседями не давали возможности сосредоточиться на решении этой проблемы. Тем не менее в 1735 году обозначилась острая фаза тянувшегося конфликта – началась первая русско-турецкая война. После второй войны (1768–1774) был заключен Кучук-Кайнарджийский мир, по которому Крым был присоединен к России. Проблема крымских набегов была решена, но отношения с Турцией оставались напряженными. Стало насущным создание нового сухопутного плацдарма, и проблема Кавказа оказалась актуальной.

Отношения Кахетии с Русским государством возникли с 1564 года, когда Иван IV Грозный взял под свое покровительство кахетинского царя Левана и даже послал ему отряд казаков, находившихся там до 1571 года, пока Турция, угрожая войной, не потребовала вывести войска из Терской крепости, а Иран – удаления русского отряда из Кахетии (Джанашиа 1946: 329). Однако «в 1587 году Александр, царь Кахетии, с детьми и приближенными тавадами присягнул на верность московскому царю, а в 1589 году московский царь прислал Александру грамоту, в которой подтверждались права и обязанности обеих сторон» (Там же: 343). Эти действия не достигли желаемых результатов, так как Россия не была готова к противостоянию с сильнейшими противниками – Ираном и Турцией. Рейды русских войск затруднялись отсутствием основательного тыла, а создание его требовало времени. К тому же начало XVII века для России было политически сложным – начиналась Смута.

Тем не менее грузинские правители не оставляли надежды на помощь России, и в 1615 году по инициативе кахетинского царя Теймураза I в Москву было отправлено посольство, представлявшее шесть грузинских царств и княжеств, с просьбой к *единовер-*

цам оказать помощь в борьбе с общим врагом (Джанашиа 1946: 355). В 1724 году картлийский царь Вахтанг VI вместе с семьей и большой свитой уехал в Россию. После его смерти в Астрахани в 1737 году большая часть сопровождавших его людей приняла русское подданство, очень немногие вернулись на родину (Там же: 397).

Кавказ становился «яблоком раздора» трех сильных государств: Турции, Ирана и России. Грузинский царь Ираклий II вынужден был выбрать союзника. «В 1781 и 1782 годах Ираклий попытался завязать сношения с западноевропейскими державами и получить от них материальную помощь. На эти средства он предполагал сформировать несколько полков, обученных по-европейски» (Там же: 433). Однако помощи из Западной Европы он так и не дождался. В такой ситуации рассчитывать на независимое существование было тщетно. Грузии оставалось либо быть поглощенной мусульманскими Турцией и Ираном, либо перейти под протекторат православной России. 24 июля 1783 года в крепости Георгиевск был подписан трактат об установлении дружественных отношений между Россией и Восточной Грузией. Однако результаты этого договора оказались призрачными. По ряду объективных и субъективных причин России не удалось выполнить своих обещаний. В 1800 году был подписан манифест о ликвидации Картли-Кахетинского царства¹ и присоединении его к России. В связи со сложнейшей политической обстановкой, отягченной затянувшейся в Картли-Кахетии междоусобицей и противостоянием царя и тавадов, Россия приняла это вполне разумное решение, позволившее покончить со смутой.

Еще одно направление русской колониальной экспансии – Средняя Азия – активизировалось во второй половине XIX века. Ее мотивами служили, с одной стороны, поиск альтернативных источников сырья для текстильной промышленности, а с другой – стремление овладеть рынками, с давних пор связанными с Индией и Ближним Востоком.

Длительную историю имеет и интерес к Индии. Вероятно, первые опосредствованные контакты можно отнести к IX веку, а непо-

¹ Манифест Павла I был зачитан в Сионском соборе в феврале 1801 года. В сентябре того же года Александром I был опубликован второй манифест, в котором не только обосновывалось упразднение царской власти в Восточной Грузии, но само царство обращалось в губернию, управляемую генерал-лейтенантом Кноррингом. Западная Грузия была присоединена позже: Мегрелия – в 1803 году, Имеретия – в 1804 году, Абхазия – в 1810 году.

средственные – к X веку (Антонова, Гольдберг и др. 1958). Рассказы путешественников, купцов создавали образ чудесной и богатой страны. Попытки установить с ней прямые связи тоже имеют свою историю (об индийских проектах Петра I см.: Шукуров Ш., Шукуров Р. 2001).

Но все же основными мотивами центральноазиатских завоеваний были экономические интересы и «угрожающе возросшее там влияние Великобритании» (Там же: 93)², которая в отличие от других стран Европы, потребляющих хлопок, совершенно не пострадала от прекратившегося экспорта из США.

Отношение к завоеванию Средней Азии отличалось от предшествующих колониационных процессов. По сути, русские войска *заставляли* «добровольно» принимать подданство или иные формы зависимости. Во-первых, проблема решалась в принципиально изменившейся международной обстановке. Во-вторых, сами колонизируемые территории обладали своей государственной ментальностью, и овладеть ими, а не просто захватить их, представляло действительно сложную проблему. Кроме того, регион Средней Азии весьма разнороден. Здесь жили народы, принадлежавшие к древнейшей иранской культуре и относительно «молодой» тюркской. В хозяйственном укладе различались земледельческие и скотоводческие народы. Некоторые имели длительную (хотя и не всегда суверенную) традицию государственности, другие сохраняли «пережитки» или были на стадии догосударственной социальной организации. Хотя все эти народы конфессионально были едины, мера их исламизации была различна. В этих условиях колониальная администрация оказалась перед выбором опоры своей власти.

В русской дореволюционной историографии второй половины XIX века прослеживается тенденция сравнения и противопоставления русской и английской, а также русской и китайской экспансии в Центральной Азии. Например, русский офицер М. А. Терентьев, главное место в работах которого занимала политика России и Англии на Азиатском континенте, противопоставлял «простую,

² Трудно согласиться с авторами, что Россию подвигла в Среднюю Азию «горечь» поражения в Крымской войне. Присоединение отдельных районов Казахстана начинается в первой половине XVIII века, в 1822 году там ликвидируется ханская власть, а основные земли были присоединены уже в 1846 году. Поход на Хиву, окончившийся неудачей, был предпринят в 1839 году. Основные земледельческие районы были завоеваны в результате походов, начиная с 1865 года.

бескорыстную политику» России «алчной политике» Англии (Сутеева 2003: 107). Это противопоставление в определенной степени оказывало влияние и на собственное восприятие. Попытки установить отношения с привилегированными слоями национальных сообществ требовали длительных усилий, а потому произошла переориентация на наиболее отсталые, с точки зрения европейца, народы или сегменты этих обществ. Пытаясь преодолеть отсталость и учесть национальную специфику после в целом безуспешных попыток христианизации, администрация обратилась к исламу. «Источники изобилуют примерами религиозной индифферентности казахов, а дореволюционные исследователи единодушно обвиняли правительство в “насаждении ислама”. Некоторые из них даже упрекали российские власти в упущении возможности обратить казахов в православие. Вряд ли можно согласиться с этим утверждением: в истории, за самым редким исключением, не наблюдалось случаев принятия христианства мусульманскими народами» (Горбунова 2003: 247). Мотивация колониальных властей совершенно понятна, так как ислам представлялся нормативной традицией, и приобщение к ней могло обратить «стихию» в нормализующие рамки. Несмотря на некоторую модернизацию жизни региона, Средняя Азия не вполне «вошла» в единое пространство русской государственности.

Взгляд на другого человека и способность понять его и даже пожалеть, получив при этом полезную информацию, просматриваются в расспросных речах, из которых выясняется, чем интересовались русские. Информаторами были либо аманаты, либо просто ясачные люди. «Прежде всего рассказывали о себе, какого они племени или рода и как зовутся, где живут, как далеко простираются их владения, кто у них главный, чем занимаются, какой образ жизни ведут, есть ли хлебопашество, с кем торгуют и чем, как строят дома, во что одеваются, какая у них вера и т. п.» (Сафронов 1978: 85). Со временем меняется и «отчет» первопроходца: «Да на той же де Колыме в сторонней реке, прозвищем на Чюхче, а пала де та река Чюхча в море своим устьем, с приезде по сей стороны Колымы реки, а по той де реке Чюхче живут иноземцы свой же род, словут чюхчи, то же что и самоядь, оленные, сидячие ж... И те де чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилия с той речки зимою переезжают на оленях на тот остров одним днем и на том де острову они побивают морской зверь морж и к себе привозят мор-

жовые головы со всеми зубами, и по своему де они тем моржовым головам молятца... а у тех де чюхчи соболя нет, потому что живут на тундре у моря, а доброй де самой черной соболя все по Колыме» (цит. по: Богораз 1934: 33).

Иное направление интеграции представляют русско-калмыцкие отношения. Сложная социальная организация, наличие, пусть и ограниченных условиями, органов межэтнического управления, начавшая формироваться центральная власть при сохранении относительной самостоятельности улусов позволяют говорить о переходе к формированию государства. Наличие «элитарные» слои калмыцкого общества могли использоваться в качестве опосредствующего звена в структуре Русского государства. Серьезным сдерживающим фактором служила включенность калмыцкого общества в систему общемонгольских отношений. Именно то, что калмыки представляли в определенном смысле периферию буддийского мира, центром и авторитетом которого был Тибет, осложняло их отношения как с исламским миром, так и с христианским (не в религиозном, как уже говорилось, а в политическом или, точнее, культурно-политическом смысле).

Безуспешные попытки стать самостоятельным субъектом международных отношений, а также сужение хозяйственного пространства в результате русской колонизации Поволжья в конечном счете привели к расколу в калмыцком обществе. Значительная часть калмыков под предводительством Убаши приняла решение вернуться в Джунгарию, несмотря на резко изменившуюся там обстановку в связи с политикой Цинов. Лишь оставшиеся на Волге вошли как составная часть в систему русской государственности, что оказалось единственной и естественной возможностью сохранения калмыков как народа.

Укреплению центральной власти и в определенном смысле совпадению групповых интересов способствовало то, что «высшие слои» национальных анклавов получали практически равные права с русскими. И хотя национальные окраины из-за длительного сохранения общинных форм общежития были на долгое время «законсервированы» в своем развитии, они смогли сохранить традиционную культуру и собственно свою этничность.

Мы рассмотрели некоторые параметры, которые могут быть критериями государственности как формы социальной организации. Несомненно важным следует признать наличие легитимной

власти. Однако, как отмечалось выше, признаваемая власть осуществляется принципиально в любой форме организации общества (от патриархальной семьи до государства). Нисколько не исправляет ситуации включение такой характеристики, как наличие права, поскольку принципиальная разница между традицией и писаным правом заключается в форме овеществления и мере обобщения. Столь же очевидно, что ослабление кровнородственных связей не приводит к их устранению, так как они существуют (или сосуществуют) при любой форме организации общества. Важным представляется наличие системы налогообложения, которая призвана служить в качестве платы или жалованья за специфически управленческую деятельность. Здесь существенно, что налог в отличие от других видов обложения – дани или захвата имущества – является регулярным и легитимным способом обложения населения. Столь же существенно формирование групп интересов, которое мыслимо лишь на определенном этапе развития общества, когда не связанные кровными узами люди осознают свою общность, свои общие интересы. Подобное возможно в ситуации противостояния внешней угрозе (русско-чукотские конфликты) или осознания общей цели (перекочевка калмыков в Поволжье), однако в этих случаях речь может идти об интересе всего общества, а не о структуре интересов внутри него. То, что государство – форма *организации* групп интересов, дает ему возможность выполнять функции субъекта нормы либо непосредственно в форме представительной власти, либо опосредствованно через легитимацию власти.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы.

На примере русской колонизации восточных земель можно сказать, что это не всегда был процесс захвата, в большинстве случаев (Поволжье, Сибирь, Дальний Восток и в некоторой степени Кавказ) создавалось единое полиэтничное пространство. Относительно мирный способ освоения новых территорий не приводил к истреблению населения этих мест, но формировал этнокультурные локусы, интегрированные в систему государства благодаря невмешательству в традиции народов. Государство предоставляло, по сути, *свободу выбора*, новые подданные могли либо сохранить прежние устои, либо получить равные права с населением центральных районов России (путем принятия православия и перехода в разряд верноподданных). Это касалось не только высших социальных слоев инородческого населения, которые практически без-

условно входили в состав русской аристократии (Савелов 1994), но и *простых* людей. Представители православной церкви обычно не вели активной обращенческой работы или вели ее крайне осторожно³, обслуживая по большей части интересы пришлого населения.

Напротив, русская администрация, о чем иногда с сожалением пишут отдельные исследователи, не только терпимо относилась к исламу, но и «сама укореняла ислам» (Лурье 1995: 262). Это в значительной степени относится к периоду присоединения народов, не очень укоренившихся в исламе. «Конфессиональная политика Российской империи действительно способствовала укреплению позиций ислама среди казахов. Русские власти направляли в казахские роды татарских и башкирских мулл, сооружали за счет казны мечети (которые в первое время охранялись “от разграбления” русскими казаками), выделяли средства для содержания мулл и т. п.» (Горбунова 2003: 247). Это было обусловлено рядом причин, в том числе тем, что новообращенные, но не твердые в своей вере, могли стать дурным примером для своих соплеменников и тем самым компрометировать русскую администрацию. Более того, собственно процесс крещения был настолько усложнен бюрократическими требованиями, что обращение и не могло принять массового характера. Так, по правилам, утвержденным в 1804 году, без особого разрешения, следовавшего за тщательным расследованием мотивов крещаемого и уверенности в отсутствии принуждения, местные священники не имели права совершать обряд. Еще более строгими были правила в отношении детей (Там же: 249–250).

Вместе с тем, несмотря на ограничения, никакого запрета на обращение в православие не существовало. Новокрещенные получали определенные социальные льготы, становясь равноподданными, а местные владетели включались в состав российского дворянства. Если такая «натурализация» носила прежде всего личностный характер, то в 1784 году по именному указу, данному Сенату, предписывалось: «...Чтоб все те, кои из так называемых Князей и Мурз Татарского происхождения, в каком бы они законе (вере. — Ю. Л.) от праотцев своих не остались, предъявят жалованья предкам их Государския грамоты на недвижимыя имения и другия

³ Тем не менее среди представителей Русской православной церкви были выдающиеся просветители, не только несшие другим народам слово Божье, но и оставившие научные труды по географии, истории, этнографии (Избранные... 1997).

письменные виды, утверждающие благородство, с явным доказательством, что они от тех родов произошли, возставлены были в состоянии им свойственное, и по написании их в Герольдии особым списком, воспользовались всеми теми вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми от щедроты предков наших и нашей Императорской Российское дворянство пожаловано, исключая только право покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных Христианского исповедания, коим никто в Империи нашей, не будучи в Христианском законе, пользоваться не может» (Национальная... 1992: 237–238).

Принадлежность к православию (верноподданность) начинает заменяться гражданством (подданностью). Хотя этот процесс развивался не столь быстро, он касался всего населения страны. В отличие от европейской колонизации, ясно и отчетливо демонстрировавшей этнические (цивилизационные) различия, в России такое противопоставление стало проявляться лишь к середине XIX века, когда был присоединен Кавказ и уже начиналась экспансия в Среднюю Азию.

Реформы XVIII века давали о себе знать в Сибири. Если в течение всего XVII века русским приходилось постоянно отражать набеги кочевников по всей южной линии от Волги до Алтая, то с середины XVIII века сооружаются укрепления: Иртышская, Ишимская, Оренбургская линии – своего рода пограничные заставы, для обеспечения которых требовались более организованные силы. Учреждается Сибирское Казачье войско. К началу XIX века становится насущным реформирование управления страной, в том числе Сибирью.

В то время существовали две различные точки зрения на значение края. Одни рассматривали Сибирь как колонию, другие – как естественное продолжение России. К числу последних принадлежал М. М. Сперанский, назначенный новым генерал-губернатором Сибири. Находясь под впечатлением от немецких романтиков, чтением которых он увлекался во время пермской ссылки, Сперанский считал, что «социальный организм нельзя втиснуть в заранее подготовленные рамки. Подобно саду, рост “древа политики” можно контролировать, но нельзя прибегать к насилию над предрасположенностью общества» (Чибиряев 1993: 138). При всем желании достичь оптимального положения нужно набраться терпения и учесть исторические традиции. Главным принципом, которым ру-

ководствовался Сперанский, было упрощение и удешевление административного аппарата с возможно большим ограничением личной власти начальников.

Местные власти поистине чувствовали себя царьками. Вымогательство и просто издевательство над людьми были в порядке вещей. Многие воеводы и даже губернаторы несли за свой произвол заслуженную кару. Этим же пришлось с самого начала заняться и новому генерал-губернатору, но основным его достижением были реформы. Им было учреждено Главное управление торговли, образована Казенная палата, ведавшая отношениями землепользования, создан Совет при губернаторе, в какой-то мере ограничивавший его власть, но, что особенно важно, делавший ее подконтрольной. Были разработаны Устав о ссыльных и Устав об управлении инородцев, проведена административная реформа. Край был подразделен на два генерал-губернаторства: Восточную Сибирь с центром в Иркутске и Западную Сибирь с центром в Тобольске.

К Восточной Сибири были отнесены Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления. Губернии, области и управления в свою очередь подразделялись на округа. В соответствии с Уставом об управлении инородцев все коренное население, получившее название «инородцы», делилось на оседлых, приравненных в правах к разным сословиям русских (татары, алтайцы и др.); кочевых, приравненных в правах к государственным крестьянам (буряты, якуты и др.); бродячих, оставленных в ясачной зависимости (чукчи, ненцы, манси и др.). Управление кочевыми и бродячими племенами должно было производиться по их законам и обычаям. Данная иерархия предназначалась для того, чтобы по «мере созревания» те или иные народы переходили в более высокий статус. Это должно было способствовать естественному становлению российских подданных. Таким образом, устанавливалась система естественной ненасильственной ассимиляции (или интеграции). Вводилась низшая административная единица для коренных жителей – род (откуда, собственно, «инородцы»), не имевшая ничего общего с первобытным родом, во главе рода стоял староста (заменивший прежде «князец»). При этом инородческое управление вело суд по обычному праву, которое касалось гражданских дел, но уголовные дела разбирались в более высоких инстанциях на основе общерусского права (Чибиряев 1993: 146).

Устав о ссыльных регламентировал порядок препровождения ссыльных по этапам, их материально-финансовое положение, вводил в четкие рамки закона их права и обязанности. В начале XIX века правительство начинает задумываться о том, какое влияние должны оказать засельщики Сибири на поднятие экономического благосостояния края. В этом русле и проводились реформы Сперанского. Не все его мысли воплотились в жизнь, и многие остались лишь благими пожеланиями. Но «по идеалу нельзя судить обо всем обществе... он служит показателем господствующих умонастроений, нравственных норм, принятых в этом обществе, и отражает систему ценностей, которой так или иначе руководствуются его члены» (Гуревич 1984: 254).

XVIII век завершился присоединением Польши (третий раздел 1795 года) и позже Финляндии (1809 год). В XIX веке начался новый этап колониальной политики. В сферу интересов России вошли Кавказ, а затем Средняя Азия. «Поворот» на Юг и Восток вызвал как большой интерес к культуре этих народов, так и размышления о перспективах цивилизационного устройства нового пространства.

В заключение коснемся национальной политики, проводимой в стране после революции 1917 года и в наши дни.

Исходя из основных установок пролетарского интернационализма, большевики принимали соответствующие решения и в национальном вопросе, хотя благие пожелания, по существу, оставались декларативными. Провозглашенное право наций на самоопределение довольно скоро было отвергнуто, и уже в 1924 году был создан единый Союз, собравший практически всю Российскую империю. Что касается «национальных окраин», то там проводилась политика преодоления отсталости в соответствии с концепцией «построения социализма, минуя капитализм». Результатом такой политики, продолжавшейся долгие годы, было «воспитание» нового поколения, потерявшего связь с традициями и не получившего новых стимулов развития.

В качестве примера, к сожалению, не документированного, приведу следующие наблюдения, сделанные во время работы в архивах Чукотского АО (1992–1993 годы). Советская власть, увлеченная коллективизацией, собрала оленеводов в одном из поселков на берегу Берингова моря и создала рыболовецкий колхоз. Между тем, по представлениям оленных чукчей, заниматься рыбной лов-

лей позорно, это все равно что собирать «*что Бог подаст*». Люди затаили озлобленность к пришельцам, заставившим их принять такой позор. Более того, привыкшие к совершенно иному стилю жизни, они не могли привыкнуть к оседлости. Экономическая целесообразность не дала желаемых результатов, и началось повальное пьянство. Вместе с тем привычка пользоваться предоставляемыми «отсталым народам» льготами выработала психологию приспособленчества.

Когда в начале «реформ» в «независимой» России один из главных «демократических» лидеров заявил: «Севера нам не нужны», а главным принципом «рыночной экономики» был провозглашен лозунг «Спасайся, кто как может», положение стало критическим. Дошло до того, что по всей Чукотке местное население *занялось* «археологическими раскопками» и продавало найденное за бесценок «иностранному ученым», а с *развитием* «реформ» – представителям «бизнеса». Сообщения об этом попадали в местную прессу в начале 90-х годов.

Еще один важный аспект этой политики заключался в стремлении создать «местную интеллигенцию». После того как была практически уничтожена значительная часть традиционной, как считалось, «националистической» интеллигенции (История Киргизии 1963: 426–427), встал вопрос о создании «новых кадров». Нельзя отрицать огромного позитивного значения этого факта. Почти вся современная промышленность в национальных районах была создана в годы советской власти, многие народы получили письменность на национальных языках. Правда, случались и курьезы. По установленным «разрядам» бытовала система «создания» тех или иных не существовавших дотолде традиций. Фактически «рекрутировались» писатели, композиторы, ученые из национальной среды. Подкреплялась идея «расцвета наций». Впоследствии это весьма отрицательно сказалось именно на национальной культуре, поскольку не подкрепленные собственной этнической традицией «инновации» не смогли в полной мере обеспечить «расцвет».

Идеологическая обусловленность национальной политики имела следствием две противоположные тенденции. С одной стороны, развитие национальных регионов демонстрировало достижения социализма, но с другой – было чревато национализмом. Декларируемая политика «расцвета наций» реально была направлена на нивелирование национальных различий. Этим объясняются репрес-

сии в отношении «местной интеллигенции», этим же продиктована политика повышения мобильности. Действительно, в советское время активно расширяются миграционные процессы, часто диктуемые предначертанными хозяйственными целями. Создание промышленного предприятия требовало соответствующих кадров, а поэтому привлекало в том числе и местное население. Совместная деятельность народов разных национальностей вела к взаимопониманию и «дружбе народов», но одновременно ослабляла связь с национальной культурой. Это, несомненно, имело большое значение для существования единого государственного пространства, давало перспективы рождения «новой исторической общности»⁴.

Одним из важнейших факторов национального развития являются язык и его письменность. Переход на латиницу на рубеже 30-х годов (Языки... 1966: 18) даже в тех случаях, когда незадолго до этого были созданы письменности на основе кириллицы⁵, обусловлен особенностями понимания мировых процессов и «подготовкой мировой революции». К концу 30-х годов (1938–1940) основная масса языков вновь была «кириллизирована», что можно связать с потребностью культурной консолидации СССР, стремлением дистанцироваться от Запада.

Конечно, старые письменности на основе арабицы не всегда отвечали требованиям времени и препятствовали повышению грамотности среди соответствующих народов, но что касается латиницы или кириллицы, то здесь мы имеем дело с наиболее совершенными системами письма, дающими поистине безграничные возможности его применения. Наблюдаемый ныне обратный процесс – латинизацию уже устоявшихся традиций письма на кириллической основе – иначе как политической акцией назвать нельзя. Аргументы в том духе, что латиница якобы лучше отражает фоне-

⁴ Надо сказать, что такая общность реально была создана, о чем свидетельствуют, в частности, итоги референдума по сохранению СССР 17 марта 1991 года. Собственно распад страны обусловлен совершенно иными причинами, хотя при этом, несомненно, использовались «национальные идеи». Более того, лозунг «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» отнюдь не был продиктован «национальным интересом», а представлял лишь политический трюк в борьбе за власть определенного сегмента политической элиты.

⁵ Например, калмыцкая так называемая заяпандитская письменность была заменена кириллической в 1924 году, с 1931 по 1938 год использовалась латиница, а затем вновь кириллица (Языки... 1968: 34). Осетинская письменность на основе кириллицы была создана в середине XIX века. Ею пользовались осетинские просветители, включая К. Хетагурова. Но в 1923 году была введена латиница, а с 1938 года вновь кириллица (Языки... 1966: 237–238).

тическую систему или что латинский алфавит дает бóльшие возможности для интеграции в мировую культуру, нельзя признать обоснованными. Так, ни арабская, ни иероглифическая письменности никоим образом не препятствуют другим народам сделать это без подобных экспериментов. Более того, в проектах латинизации все равно не удастся избежать использования дополнительных знаков, диакритики и тому подобных вспомогательных средств письма. А уже не раз нарушенная преемственность традиций не должна вновь разрушить традицию устоявшуюся. Но все-таки употребление той или иной системы письма – право самих народов. Ведь армяне, грузины, евреи сохранили свои традиционные системы письма, что вовсе не мешает им не только интегрироваться в мировую культуру, но и пользоваться современными техническими достижениями.

В целом можно проследить три типа национальной политики.

Ассимиляция (насильственная и естественная) имела целью деэтнизацию и тем самым гомогенизацию единого пространства – идея «плавильного котла».

Протекционизм предполагал либо «консервацию» традиционных устоев (резервацию), либо, напротив, усиленное внимание к модернизации, характерное для послереволюционных процессов в России.

Интеграция подразумевала сосуществование, сохраняющее некое *status quo*, ориентированное на «точки соприкосновения» во взаиморазвитии (диалогический тип).

Особенности колониционных процессов в России во многом обусловили появление различных идейных концепций, связанных с перспективами развития страны. Если в середине XIX века концептуально оформились два внешне отличающихся течения: славянофилы и западники, то на рубеже XX века возникают концепции, связующие Европу и Азию в единое пространство Евразии. Особенно характерно осмысление кризиса развития России после Октябрьской революции и преимущественно в эмигрантских кругах. Не вдаваясь в подробности идейных исканий, обратим внимание на важнейшую составляющую подобных концепций. Если для государств Европы с их относительной гомогенностью в целом оказалось плодотворным использование национальной идеи, то для России с ее многонациональностью это оказалось невозможным. Столь же невозможным было использование американского опыта, так

как Россия не проводила *активной* ассимиляторской политики. Именно поэтому евразийцы пытались разработать более адекватные модели развития. Даже современные «разработки» *национальной идеи* заранее обречены на неуспех, поскольку противоречат многонациональности страны.

Идеи евразийцев отражают лишь попытки найти некий общий «фундамент», могущий обеспечить стабильное развитие, но, к сожалению, они пока далеки от завершения.

Важно, на наш взгляд, что чрезмерно эмоциональный подход к такой серьезной проблеме, особенно на уровне политических *действий*, совершенно недопустим. Это относится в первую очередь к нынешним средствам массовой информации. *К сожалению*, сегодня совершенно не поддается контролю «свободное выражение мнений» по действительно щепетильным вопросам, особенно в сфере межэтнических отношений, требующих чрезвычайной осторожности и взаимоуважения. Публичное осмеяние или даже ирония по поводу «недостатков» *другой* культуры или тем более конфессии может не только вызвать вполне ожидаемую отрицательную реакцию, но и привести к нагнетанию напряженности и спровоцировать те или иные нежелательные действия как в соответствующем обществе, так и за его пределами. При этом «свободные» СМИ говорят о «толерантности», но лишь только по отношению к себе. Пока реакция еще не оформилась в какое-либо действие, но уже создано настроение и, более того, возник дополнительный фактор цивилизационной поляризации. Любопытно, что для комментария по этому поводу (и именно *в защиту* «карикатуристов») одним из российских телеканалов был приглашен Ю. В. Самодуров, директор Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова, печально известный благодаря выставке «Осторожно, религия!», на которой были представлены «полотна» и «инсталляции», «добродушно» *глумившиеся* над христианскими ценностями.

Резюмируя изложенное, необходимо сказать, что относительно мирный характер колонизации обусловлен особенностями русской культуры, этнически *заведомо* не агрессивной. Однако это вовсе не означает ее «космополитичности». Любой этнически «окрашенный» стимул вызывал и вызывает отчетливую *национальную* реакцию, подчас принимающую причудливые или уродливые формы. Даже собственно *разработки* «национальной идеи» отражают именно национальный ответ на неадекватные «оценки» этноса или

роли и места его в мировой истории. Но не *поиск* образцов для подражания, а изучение опыта *своих* предков и осознание *своих* (общих с другими народами нашей страны) интересов составляет главное направление развития. Это является главным критерием *цивизованности*.

Литература

- Акты**, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. 7. 1878. Тифлис: Б. и.
- Антонова, К. А., Гольдберг, Н. М. и др. (отв. ред.)** 1958. *Русско-индийские отношения в XVII в.*: сб. документов. М.: Вост. лит-ра.
- Атласов, Х. М.** 2005. *История Сибири*. Казань: Татарское кн. изд-во.
- Богораз, В. Г.** 1934. *Чукчи*. Т. 1. Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР.
- Вернадский, Г. В.**
1925. Два подвига св. Александра Невского. *Евразийский временник* 4: 319–336.
2004. *Монголы и Русь*. М.; Тверь: Аграф; Леан.
- Геллер, М. Я.** 2001. *История Российской империи*. М.: МИК.
- Горбунова, С. В.** 2003. Крещеные казахи Российской империи. В: Моисеев, В. А. (ред.), *Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда. 14 мая 2003 г.* (с. 247–252). Барнаул: Алтайский гос. ун-т.
- Горская, Н. А.** 1994. *Историческая демография России эпохи феодализма*. М.: Наука.
- Гуревич, А. Я.** 1984. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.
- Джанашиа, С. (ред.)** 1946. *История Грузии*. Ч. I. Тбилиси: Гос. изд-во Грузинской ССР.
- Зайцев, И. В.** 2004. *Астраханское ханство*. М.: Вост. лит-ра.
- Зеленин, Д. К.** 1991. *Восточнославянская этнография*. М.: Наука; ГРВЛ.
- Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон** / сост. С. Снегорева. 1999. Ярославль: Верхняя Волга.
- Зимин, А. А.** 1982. *Россия на рубеже XV–XVI столетий*. М.: Мысль.
- Избранные труды** святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки / сост. Б. Пивоваров. 1997. М.: Изд-во Московской Патриархии.
- История** Киргизии. 1963. Т. 2. Фрунзе: Киргизское гос. изд-во.
- История** Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2. 1968. Л.: Наука.

Кирьяков, В. В. 1902. *Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири)*. СПб.: Б. и.

Ключевский, В. О. 1988. *Соч.*: в 9 т. Т. 2. М.: Мысль.

Лимонов, Ю. А. 1987. *Владими́ро-Суздальская Русь*. Л.: Наука.

Лурье, С. В. 1995. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации. *Цивилизации и культуры*. Вып. 2 (с. 252–273). М.: Аллегро-Пресс.

Любавский, М. К. 1996. *Обзор истории русской колонизации*. М.: МГУ.

Любимов, Ю. В. 2008. Миграция западных ойратов в Поволжье и русско-калмыцкие отношения. *Восток* 2: 46–55.

Национальная политика в России. Кн. 1. Середина XVII в. – конец XVIII в. / сост. А. М. Филиппов. 1992. М.: ИЭА РАН.

Похлебкин, В. В.

1992. *Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах*. М.: Международные отношения.

2000. *Татары и Русь*. М.: Международные отношения.

Савелов, Л. М. 1994. *Лекции по русской генеалогии*. М.: Археографический центр.

Сафронов, Ф. Г. 1978. *Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.* М.: Наука.

Соловьев, С. М. 1991. *Соч.*: в 18 кн. Кн. 7. М.: Мысль.

Сутеева, К. А. 2003. Русские военные историки XIX в. о причинах и мотивах движения России на восток (в Среднюю Азию и Южный Казахстан). В: Моисеев, В. А. (ред.), *Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда. 14 мая 2003 г.* (с. 100–116). Барнаул: Алтайский гос. ун-т.

Тойнби, А. 1991. *Постижение истории*. М.: Прогресс.

Фукс, К. 1991. *Казанские татары*. Казань: Фонд ТЯК.

Худяков, М. Г. 1991. *Очерки по истории Казанского ханства*. М.: ИНСАН.

Чиби́ряев, С. А. 1993. *Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского*. М.: Воскресенье.

Шукуров, Ш. М., Шукуров, Р. М. 2001. *Центральная Азия. Опыт истории духа*. М.: Центр стратегического планирования Оренбургской области.

Шунков, В. И. 1974. *Вопросы аграрной истории России*. М.: Наука.

Языки народов СССР: в 5 т. Т. 1. 1966. М.: Наука.

Языки народов СССР: в 5 т. Т. 5. 1968. Л.: Наука.